
Глава I

ДЕТСТВО. LUDUS. SHOLA

За восемь дней до февральских календ 828 года от основания Рима (*Ab Urbe condita*), 24 января 76 года по нашему летосчислению, в столице Империи, в семье сенатора Элия Адриана и Домиции Паулины родился мальчик, получивший имя Публий. Шёл в эти дни пятый год правления императора Веспасиана, основателя династии Флавиев. В январе 76 года Веспасиан был также уже седьмой раз консулом, а его старший сын Тит — будущий правитель Империи — был консулом в четвёртый раз. Все детские, отроческие и юные годы Публия Элия Адриана и придутся на время правления династии Флавиев — Веспасиана и двух его сыновей, Тита и Домициана.

Хотя родился Публий в самом Риме, но к коренным обитателям великого города на семи холмах его семья вовсе не относилась. Отец его и его предки на протяжении уже почти трёх столетий были уроженцами небольшого города Италика, находившегося в провинции Дальняя Испания в области, именуемой Турдетания. Через провинцию протекала река, называемая римлянами Бетис, почему и всю провинцию помимо её официального названия именовали также Бетика. В наши дни Бетика — это историческая область королевства Испания Андалузия, река Бетис — Гвадалквивир, а Италика находилась близ современной столицы Андалузии славного города Севильи.

Основал Италику в 206 году до Р. Х. доблестный Публий Корнелий Сципион, отвоевавший Испанию у карфагенян. Через четыре года уже на африканской земле у города Замы Сципион в решающей битве Второй Пунической войны разгромит войска непобедимого дотоле Ганнибала, злейшего врага Рима, что решит исход противостояния Рима и

Карфагена в войне и, по сути, предопределил трагическую судьбу и самого Ганнибала, и Карфагена.

Предки Адриана переселились в Италику из города Адрии в области Пицена. Город этот дал имя Адриатическому морю¹. Так утверждал историк Аврелий Виктор. А вот знаменитый географ Страбон полагал, что это море получило имя от города Атрия близ приморского города Равенны². Кто прав? Сказать сложно, но Адрия всё-таки созвучнее Адриатике. Сама область Пицена — это восточная часть Центральной Италии, населённая народом пицены. Он делился на две ветви: пицены северные, чьё происхождение до сих пор не ясно, и пицены южные, близкие к таким италийцам, как умбры, оски, сабины. К какой ветви пиценов принадлежали предки Адриана — неизвестно, да и не имеет особого значения. Важно то, что, перебравшись с морского берега Адриатики на речной берег Бетиса, представители этого рода замечательно там прижились. Есть мнение, что семья Адрианов вкладывала деньги в сельское хозяйство и серебряные копи, благодаря чему разбогатела и стала одной из опор местной римской знати³.

Мать Публия Элия Адриана, Домиция Паулина, была также уроженкой римских владений в Испании, обрётённых после Второй Пунической войны (219—201 годы до Р. Х.), но не вновь основанного римлянами поселения, а древнейшего уже в те времена города Гадеса. Это был основанный финикийцами из Тира портовый город на берегу Атлантики. Отсюда финикийские корабли отважно выходили в Океан, достигали Африки, Канарских островов, Мадейры. А славный мореплаватель Карфагена Ганнон Великий, плывя вдоль африканского побережья, достиг устья Нигера.

У Публия была также сестра Паулина, выданная впоследствии замуж за некоего Сервиана, который был много её старше.

Знаменитыми людьми род Адрианов богат не был. Единственно дед прадеда Адриана Мариллин первым в семье стал сенатором римского народа⁴. Успех прапрадеда повторил как раз отец Публия. Помимо обретения статуса сенатора он достойно проявил себя и на административном поприще, достиг преторского сана. Преторы в Риме занимались преимущественно судебными делами. Отслужившие свой годичный срок преторы часто направлялись наместниками в подведомственные сенату римские провинции. Так и Публий Элий Адриан Старший, начав карье-

ру со скромной должности члена муниципалитета родной Италики, стал наместником провинции Африка (современный Тунис). Африка в то время, да и весь период её принадлежности к Римской империи, была одной из важнейших и богатейших провинций, замечательно преуспевающей, хлебородной, можно сказать, главной кормилицей Рима. Такое обширное владение Римской державы, как Египет, с его восьмимиллионным населением и прекрасно возделанной плодороднейшей долиной Нила, по объёму годового дохода в три раза уступало Африке⁵. Так вот, будучи наместником такой богатейшей провинции, отец нашего героя отнюдь не разбогател. Замечательный показатель достоинства и чести!⁶

Любопытно, что наместником в Африке побывал в своё время и правивший Империей Веспасиан. Светоний утверждает, что правил Африкой этот доблестный Флавий честно, с большим достоинством и вернулся из провинции, ничуть не разбогатев⁷. Тут же, правда, биограф разбавляет свои комплименты водой, сообщая, что в городе Гадрумете — одном из важнейших центров провинции — случился мятеж, во время которого горожане забросали Веспасиана репой⁸. Ситуация для наместника, очевидно лишённая и чести, и достоинства. Невольно больше поверишь Тациту, сообщающему, что в Африке имя Веспасиана люди повторяли с ненавистью и злобой⁹. Поскольку во время гражданской войны в 69 году население провинции Африка и расположенный там легион поддержали противника Веспасиана Вителлия, чьё наместничество в той же Африке все вспоминали с уважением и благодарностью, мы вправе полагать, что Публий Корнелий Тацит здесь не изменил собственному прославленному девизу историка: «Sine ira et studio» («Без гнева и пристрастия»).

Получается, что отец нашего героя был лучшим наместником Африки, нежели Веспасиан, и потому заслуженно с тех пор именовался Публий Элий Адриан Афр. Его репой никто не закидывал, мятежей при нём, похоже, не случилось, и со злобой и ненавистью его тоже никто не поминал.

Вернёмся к семье нашего героя. Род Элиев Адрианов не располагал большим числом знаменитых или родовитых родственников, способных оказать протекцию в карьере родственникам незначительным. Но одна семья, родом также из Италики, в те же годы уже выдвинула человека, ставшего одной из опор воцарившейся в Риме новой династии. Человеком этим был Марк Ульпий Траян, двоюродный

брат Публия Элия Адриана-отца. Отец Траяна к середине 70-х годов уже сделал прекрасную карьеру. И в этом ему изначально помогло участие в Иудейской войне 68—72 годов, в которой римскими легионами командовали как раз будущие императоры Веспасиан и его сын Тит. Траян, как бы предчувствуя будущее Флавиев, наладил на редкость добрые отношения и с отцом, и с сыном. Во время войны Марк Ульпий командовал одним из самых знаменитых легионов римской армии — Десятым легионом Пропиуса (*Legio X Fretensis*). Веспасиан поручал ему важнейшие дела. Так, легион Траяна овладел сильнейшим образом укрепленным городом Яфой. Причём Траян хитроумно и расчётливо сумел уступить честь победы присланному к нему в поддержку с небольшой частью войск Титу. Этим он явно завоевал расположение обоих Флавиев. В сражении с иудеями близ города Тарихеи у Генисаретского озера Траян с отрядом в 400 всадников помог Титу одержать победу, но на часть лавров победителя предусмотрительно не стал претендовать. Когда же Веспасиан обнаружил наконец императорские амбиции и бросил вызов только-только утвердившемуся на Палатине Авлу Вителлию, Марк Ульпий Траян решительно стал на сторону Флавия. Веспасиан достойно оценил верность боевого соратника, и уже в 70 году (первый год правления Флавия) Траян удостоивается звания консула, пусть и не дающего никакой реальной причастности к власти в имперском Риме, но всё равно почётнейшего. Оно ведь было предметом честолюбивых мечтаний римской знати! Главное же, Траян стал наместником провинции Каппадокия на востоке Малой Азии. В 74 году он был включён Веспасианом и Титом в ряды патрициев, а затем император доверяет ему наместничество в важнейшей провинции римского Востока — в Сирии, где под его началом четыре легиона, то есть не менее сорока тысяч воинов. Назначение оказалось весьма своевременным: в том же году очередной раз обострилась обстановка на парфянской границе, откуда римским владениям угрожало вторжение этих воинственных соседей. Новый наместник замечательно быстро уладил ситуацию, используя и военную силу, и свои дипломатические способности. Довольный Веспасиан осчастливил Траяна триумфальными почестями — не самая частая награда для военачальника. Её можно было заслужить только очень значимым для Рима успехом. Любопытно, что в том же 75 году, предшествующем году рождения нашего героя, начинается серьёзная военная служба 22-летнего сына на-

местника Сирии Траяна — полного тезки своего отца Марка Ульпия Траяна. Именно этому человеку предстояло сыграть важнейшую, лучше сказать, решающую роль в судьбе ещё не появившегося на свет Публия Элия Адриана.

В 75 году Траян-младший стал, не без протекции, думается, своего уже весьма именитого отца, трибуном-латиклавием, то есть главным трибуном легиона. Такая должность открывала способному (или особо покровительствуемому молодому римлянину) дорогу к должности легата легиона, к званию сенатора. Здесь, похоже, совпали оба случая.

Подробности дальнейшей жизни Марка Ульпия Траяна-отца нам, к сожалению, не известны. Но Траян-сын знает о появившемся у него двоюродном племяннике и будет, к счастью, очень небезразличен к его семье. Родство, общие корни, не только провинциальные (Италика), но даже италийские (Траяны были родом из Умбрии, области Средней Италии, соседней с Пиценой), сыграют значительную роль как в частной судьбе новорожденного Публия Элия Адриана, так и всей Римской империи. Траяны, а вслед им и Адриан — это представители той самой общественной группы выходцев из потомков колонистских семей в римских провинциях, которые, по словам великого английского антиковеда сэра Рональда Сайма, обладали необычайной пробивной силой. Эти люди во II столетии достигнут высшей власти и обеспечат Римской империи самый блистательный, самый успешный, самый просвещённый век в её полутысячелетней истории. Одним из таких людей и суждено было стать нашему герою.

Пока же впереди у него три жизненных периода, когда он будет именоваться сначала *puer* (до семи лет), в следующем семилетии *infans*, и, наконец, семилетие, когда он достигнет зрелости — *iuvenis*. По-русски это справедливо было бы перевести и назвать: детство, отрочество, юность.

Итак, через какие этапы детства, отрочества и юности предстояло пройти нашему герою? Через те же, что проходили все его сверстники-римляне. В первую очередь, разумеется, римляне из благополучных семей.

Первые годы жизни римских детей проходили «In gremio ac sinu matris educari», что означало «Быть воспитанным на груди и лоне матери»¹⁰. На исходе первого семилетия, обычно с шести лет, начиналась учёба. Здесь надо помнить, что у римлян к обучению детей грамоте отношение было самое серьёзное даже в низших слоях общества. Степень грамотности среди собственно римского населения, включая на-

селение романизованное, была исключительно высокой. Неграмотных в Риме практически не было. Малообразованных, полуграмотных, как в любом человеческом обществе, во все времена хватало. Но полная неграмотность исключалась. Надо сказать, что до уровня распространения грамотности в Риме постримская Европа приблизится лишь спустя почти полтора тысячелетия после гибели Западной Римской империи. В Западной Европе полная грамотность населения будет достигнута во второй половине XIX века (первая европейская территория сплошной грамотности — Чехия, с 1864 года), а на востоке и юго-востоке Европы только в первой половине XX века. И во всех случаях здесь понадобились самые серьёзные усилия со стороны государства.

В Риме не было государственных программ по образованию населения. Государство воздерживалось от какого-либо вмешательства в дело просвещения народа. Со стороны государства не было ни поощрения, ни запрещения, ни даже надзора за образовательным процессом в империи¹¹. Дело образования находилось сугубо в частных руках. Каждый желающий мог открыть свою школу, стать учителем. Для этого не требовалось никаких разрешений, полностью отсутствовали любые формальности. И вот при всём этом в Риме естественным образом сложилась трёхступенчатая система образования, для той эпохи замечательно эффективная и, главное, встречающая полное общественное понимание.

Как же она функционировала на практике? Первая ступень, в современном понятии начальное образование, носила название *ludus*. Это слово имеет много значений. Оно может означать игру, забаву, но важнейшее его значение — именно начальная школа. *Ludus* возглавлял *ludi magister*. Он, как правило, принадлежал к низшим слоям общества, очень часто таковыми были либертины (вольноотпущенники). Непосредственным обучением занимался собственно учитель, именовавшийся *grammatist*, он же *literator*. «Литератор», понятное дело, не от слова «литература», но от слова *litera* — «буква». В таких школах занимались вместе мальчики и девочки. Женская грамотность в Риме не отставала от мужской. Специальных школьных помещений не существовало. *Ludi magister* находил для занятий места на площадях, в портиках, в общественных садах, на набережных. Обучение, разумеется, было платным, но при этом общедоступным по цене. Люди зажиточные, выходцы из семей

почтенных, представители знати в такие школы детей своих, понятное дело, не отдавали. Их отпрыски занимались на дому, где их учил *literatorus* или *paedagogus*. Обычно это был образованный раб. Справедливо будет полагать, что маленький Публий не бегал на учёбу в какой-либо портик, но занимался с домашним учителем. Судя по результатам, тот был знающим и в ребёнке встретил прекрасного ученика.

Чему же учили в той школе? Читать, писать и считать. Заучивали наизусть некоторые стихи и тексты, имевшие нравоучительный смысл. В стихах чаще всего звучали строки Вергилия, из нравственно-поучительных изречений привлекались в основном те, что составил знаменитый Марк Порций Катон Старший. Собственно, в этом и заключалось первоначальное обучение.

Следующая ступень была много серьёзнее. Руководил образованием грамматик, и это была уже настоящая *shola* (школа). Здесь помимо родного латинского самым тщательным образом изучался греческий язык. По-настоящему образованный римлянин обязан был владеть «божественной эллинской речью» не хуже, чем родной чеканной латынью. Потому-то в имперское время в школах грамматиков существовали особые преподаватели для каждого языка и каждой литературы отдельно. Преподавание языков и литературы велось основательно и давало отличные результаты. Каких римских и греческих авторов изучали в первую очередь? Из родных читали Ливия Андронника, Квинта Энния, Гнея Невия, Катона Старшего, Плавта, Теренция. Надо было непременно знать корни своей культуры! Затем переходили и к тому, что мы называем «классикой»: читали Тита Ливия, Гая Саллюстия, Вергилия, Горация, Овидия. Во времена детства Адриана читали также Лукана, Публия Папиния Стация. Параллельно шло углублённое постижение классики греческой.

Важнейшее внимание, разумеется, уделялось Гомеру. Знание «Илиады» и «Одиссеи» для образованного римлянина должно было быть столь же совершенным, сколь и для учёного эллина. Подробнейшим образом, с помощью поэм того же Гомера, в меньшей степени Гесиода, изучалась греческая мифология. Из более поздних авторов читали Менандра, славного создателя новоаттической комедии вслед староаттической комедии Аристофана, басни Эзопа, лучшие образцы лирической поэзии как эпохи классической Греции, так и эпохи эллинизма. Любопытно, что учить греческий язык и познавать греческую культуру

ученики грамматика начинали раньше, чем углублённо изучать родную латинскую речь и читать римскую литературу¹². Это было и справедливо, и разумно: эллинская цивилизация не просто предшествовала римской, её благотворное воздействие и сделало со временем цивилизацию латинскую равноценной греческой, а в чём-то и ушедшей далеко вперёд.

Форма обучения в школе грамматика была следующей: большую часть времени занятий учитель говорил сам¹³. Ученики старательно записывали его лекции на своих табличках. Это развивало умение не только конспектировать речь грамматика, но и выделять в ней главное. Самим ученикам слово предоставлялось нечасто, хотя вопросы задавать им, разумеется, разрешалось. Мы, к сожалению, не знаем, какие вопросы своему грамматiku задавал юный Публий. Кстати, грамматиком его, возможно, был знаменитый Квинт Теренций Сквавр, автор дошедшего до нас трактата «Об орфографии» и объёмного учебного пособия «Грамматика», увы, до потомков не дошедшего¹⁴.

Возможно, для иллюстрации типа задаваемых вопросов умным, пытливым учеником стоит привести вопросы, которые задавал своим учителям будущий преемник Августа юный Тиберий Клавдий Нерон. Кстати, именно с ним нашего героя частенько сравнивали и сравнивают. Так вот, Тиберий спрашивал, к примеру, как звали Ахиллеса, когда он в одежде девушки жил среди дочерей царя Ликомеда на Скиросе, какие песни пели сирены Одиссею, как, наконец, звали мать Гекубы. Занятно, что, легко ответив на первый вопрос — Ахиллеса на Скиросе звали Пирра (рыжая, огненная), учителя запутались в имени матери супруги царя Приама, называя её то Эфеей, то Эваторой, то Телекеей, то Метопой, то Главкиппой. Ученик, наверное, должен был сам выбрать имя, наиболее, по его мнению, для матери Гекубы подходящее. А вот при вопросе о песнях сирен Одиссею корабль знаний учителей попал в штиль и паруса его безнадежно повисли. Адриан, как известно, обладал умом быстрым, любознательным. Потому и он мог задавать вопросы, способные поставить в тупик. Даже такого выдающегося учителя, как Квинт Теренций Сквавр.

Какие же задания получали ученики в школе грамматика? Они должны были не только читать, но и толковать изучаемых авторов, выполнять устные и письменные упражнения по греческому и латинскому языкам. Ученикам прививали критическое мышление: изучаемые тексты,

литературные произведения они должны были не просто комментировать, но и подвергать критике. В этом, можно уверенно сказать, учителя Адриана замечательно преуспели: остроты ума и критических взглядов даже на самые незабываемые авторитеты ему будет не занимать.

Набор предметов, изучаемых на этой средней ступени римского образования (с 11 лет), был следующий: помимо греческой и римской филологии изучались основы римского права, начала философии, математика, астрономия. Для успешности обучения и возможности индивидуально-го подхода группы у грамматиков были небольшие¹⁵.

На третьем этапе — риторике — занятия были уже индивидуальными. Ритор должен был готовить учеников к практической деятельности на судебной или политической стезе¹⁶.

Наш герой во время учёбы проявил такие замечательные способности, что прошёл все три этапа римского образования в течение первых двух. Жажда знаний у него была неутолимой. Для начала он «так успешно изучал греческую литературу и имел к ней такое пристрастие, что некоторые называли его гречонком»¹⁷. Прозвище это (*graeculus*) пристанет к нему всерьёз и надолго. Восприниматься оно будет по-разному: «греченок» пусть и насмешливо, но вполне добродушно, а вот «гречишка» — пренебрежительно и зло. Всё, очевидно, зависело от интонации.

Но не только греческий язык и литературу он глубоко постиг. Родную римскую литературу знал Адриан прекрасно, очень любил астрономию. Поскольку она в те времена практически соединялась с астрологией, то всю свою жизнь Адриан увлекался астрологическими прогнозами и сам был очень высокого мнения о своих познаниях в астрологии¹⁸. Научившись критически комментировать литературные тексты, он выработал и критический взгляд на их авторов, решительно не воспринимая их общепринятый, казалось, совершенно устоявшийся авторитет. Девиз: «Подвергай всё сомнению» вполне мог бы быть жизненной установкой Адриана. Здесь любопытно обратиться к его литературным предпочтениям. Они ведь закладывались как раз в годы учёбы, когда он активно познавал творчество титанов прошлого. Как пишет его биограф Элий Спартиан, Адриан «любил старинный стиль, любил выступать с контрверсами. Цицерону он предпочитал Катона, Вергилию — Энния, Саллюстия — Целия; с такой же самоуверенностью он судил о Гомере и Платоне»¹⁹.

Конечно, в таком отношении к высокой классике, явном предпочтении того, что уже во времена молодости Адриана выглядело глубокой архаикой, легко увидеть самоуверенность или склонность к эпатажу. Здесь невольно вспоминается Гай Цезарь Калигула. Он, конечно, антипод нашего героя и как император, и как личность, но его взгляды на поэтов и мыслителей привести уместно. Вот что об этом писал Светоний: «Он помышлял даже уничтожить поэмы Гомера — почему, говорил он, Платон мог изгнать Гомера из устроенного им государства, а он не может? Немногого недоставало ему, чтобы и Вергилия, и Тита Ливия с их сочинениями и изваяниями изъять из всех библиотек: первого он всегда бранил за отсутствие таланта и недостаток учёности, а второго — как историка многословного и недостоверного»²⁰. К этому стоит добавить и оценку Калигулой сочинений Луция Аннея Сенеки, чьи труды он называл «школярством чистой воды» и «песком без извести»²¹. Здесь, конечно, море эпатажа, но ведь и независимость суждений, критический взгляд на общепринятую классику. Что до намерений — то поскольку они не были осуществлены, то и неподсудны.

То, что предпочтения Адриана вовсе не были эпатажем или типичным для юного мыслителя критицизмом, очевидно из тех особенностей культурных предпочтений римской интеллектуальной элиты, которые расцветут уже во II веке, но складываться, безусловно, могли начать и в последние десятилетия века I, как раз в годы юности и возмужания нашего героя. Ведь именно тогда в Италии «классицизм “золотой латыни”, латыни Цицерона и Вергилия сочетался со строгой и изысканной “древностью” Марка Катона и Квинта Энния»²². Таковы были культурные реалии того времени²³.

Можно сказать, юный Публий Элий Адриан предвосхитил литературные вкусы римлян грядущего века. Однако позволительно и полагать, что он сам, став императором, начал эти вкусы во многом определять. Ведь не зря существует мнение, что во II веке учёные римляне стали вослед правившему Империей Адриану предпочитать Цицерону Катона Старшего, Вергилию — Квинта Энния, Саллюстию — Луция Целия Антипатра²⁴.

Думается, едва ли вкусы Адриана одни перевернули литературные предпочтения века. Конечно, они оказали своё влияние, но и сами были отражением этих самых предпочтений. А сформировавшись в последние десятилетия века

предшествующего, разумеется, отражали и яркую индивидуальность, и глубоко личные предпочтения юного Публия. Что до его критицизма в отношении общепризнанных знаменитостей, в чём он, как мы видим, даже уподобился уж больно не похожему на него Гаю Цезарю Калигуле, то здесь можно предположить и свойственный юности острый критицизм в отношении навязываемых непререкаемых авторитетов, стремление к непохожести на всех. Могло быть и простое несовпадение формирующихся литературных вкусов молодого человека с устоявшимися, освящёнными сложившейся традицией. В любом случае, мы здесь наблюдаем проявление у юного Публия выраженного стремления самому осмыслить духовное наследие веков минувших, иметь обо всём личное мнение, от посторонних влияний независимое. Всё это, безусловно, делает честь нашему герою и позволяет увидеть в нём уже с юных лет натуру незаурядную с сильным личностным потенциалом.

Едва ли мы можем предполагать, за что именно Адриан не слишком жаловал поэтический гений Гомера, философию и проект идеального государства Платона, многообразные труды Цицерона, поэзию Вергилия, исторические исследования Саллюстия. Последнее, кстати, несколько удивительно, поскольку известный оратор Марк Корнелий Фронтон, младший современник Адриана, как раз ценил Саллюстия за имитацию архаики, столь любезной нашему герою. Но вот о причинах его литературных предпочтений попробуем высказать некоторые предположения.

Что могло особо привлекать Адриана в жизни и творчестве Квинта Энния? Конечно же, юный Публий читал и его «Анналы», описывавшие римскую историю от странствий Энея до современной Эннию эпохи, был знаком с его сатирами (сатурами), каковых славный поэт написал четыре книги, знал, думается, его трагедии. Они все по-своему не лишены немалых литературных достоинств. Ведь Квинт Энний (239—169 годы до Р. Х.) в поэзии латинской был подобен Гесиоду в поэзии греческой. Гесиод стал первым греческим поэтом, использовавшим гекзаметр гомеровского героического эпоса для простых, обыденных сюжетов²⁵. Подобно этому создателю «Теогонии», «Трудов и дней» Квинта Энния можно полагать новатором не только в римской, но и в мировой литературе. *Graeculus* Адриан, разумеется, всё это знал. Но что особенно должно было привлекать нашего героя в Квинте Эннии, так это его горячее пристрастие к греческой культуре. Уроженец города Рудии в Апу-

лии (юго-восточная оконечность Италии), он не просто выучил греческий язык и изучил греческую литературу. Он стал её поклонником и первым в Риме стремился использовать великие достижения культуры греческой для развития культуры римской. Именно благодаря этому Энний стал великим римским национальным поэтом, творчески привнеся в молодую латинскую литературу наследие Эллады, а не просто подражая ему. Адриан, сам пылкий поклонник эллинской поэзии, мог видеть в Квинтии Эннии того человека, который первым соединил в своём творчестве Грецию и Рим. А зная очевидное стремление юного Публия к независимости мышления, почему не предположить, что ему были близки эти строки из «Сатир» Квинта Энния:

Пусть всегда в твоём сознание будет эта истина:
Не зови людей на помощь в том, что можешь сделать сам!²⁶

Любовь Адриана к Луцию Целию Антипатру (180—120 годы до Р. Х.), младшему анналисту, своего рода приемнику Квинта Энния, чьё наследие служило для него одним из источников, тоже вполне объяснима. В творчестве Антипатра замечательно проявилось опять-таки наследие Эллады. Под влиянием греческой традиции он очень заботился о форме изложения своих «Анналов» и, в эллинском стиле, придал своему труду риторический характер. Могли Адриан пройти мимо творчества человека, столь умело привнесшего греческие традиции в исконно римскую анналистику?

Что до Катона Старшего (234—149 годы до Р. Х.), то неравнодушие Адриана к личности и творчеству этого выдающегося человека могло иметь целый ряд оснований. Жизнь и деятельность Марка Порция Катона Старшего была самым тесным образом связана с исторической родиной предков Адриана — с Ближней Испанией, той самой Бетикой, где находился город Италика, родной и для семьи нашего героя, и для их родственников Траянов. Вот что сообщает о деятельности Катона Старшего римский историк Корнелий Непот (99—24 годы до Р. Х.): «Исполняя консулат в паре с Луцием Валерием Флакком, он получил по жребию провинцию Ближнюю Испанию и вывез оттуда триумф»²⁷. За этот год Катон подавил крупное восстание иберов, срыл стены ряда испанских городов, организовал разработку серебряных рудников в Испании. Как мы помним, предки Адриана как раз во многом и составили своё

состояние благодаря этим самым рудникам. А вот что писал о Катоне в Ближней Испании Плутарх: «Воюя в Бетике, он находился в опасности от многочисленного неприятеля. Кельтиберы предлагали ему помощь за 200 талантов, но римляне не позволили ему платить жалованье варварам. “Вы не правы, — ответил Катон, — ведь если мы победим, то платить будем не мы, а враги, если нас победят, то некому будет ни получать, ни платить”. Взавши больше городов, чем провоевал он дней (так говорил он), для себя он воспользовался только тем, что съел и выпил»²⁸.

Замечательный образец римской исторической честности и бескорыстия!

Но не только подвиги Катона в Бетике должны были привлекать Адриана. Ведь этот образец отеческих доблестей, великий патриот и первый римский историк писал на латинском языке. Но, будучи уже немолодым человеком, он выучил греческий язык и глубоко усвоил эллинскую культуру. Главными своими учителями Марк Порций Катон Старший полагал Фукидида и Демосфена²⁹. Греческое влияние, правда, не придало его литературному языку особых изысков. Тот же Корнелий Непот писал: «Произведение это обнаруживает много усердия, но мало искусства»³⁰. Не слишком высоко ценя литературный дар Катона, Непот непреходящей заслугой перед Римом почитал следующее его деяние: «Плебейским эдилом он был избран вместе с Гаем Гельвием, а когда стал претором, то получил в управление провинцию Сардинию, откуда ещё раньше, во время своей квестуры, вывез на обратном пути из Африки поэта Энния (204 год до Р. Х.). Заслугу эту я ценю не менее любого самого пышного сардинского триумфа».

Едва ли должно усомниться в том, что Публий Элий Адриан полностью разделял здесь мнение славного Непота. Это показывает, что наш герой был совсем не одинок в своём почитании Энния, действительно первого великого национального римского поэта. Даже в эпоху «золотого века» римской литературы (I век до Р. Х. — I век от Р. Х.) его «Анналы» конкурировали с «Энеидой» Вергилия. Так что не жажда эпатажа формировала литературные пристрастия Адриана.

Но не только поэзией и литературой усердно занимался наш герой во время своей учёбы, хотя пристрастие к ним сохранил на всю жизнь. Биограф Адриана свидетельствует, что тот был очень сведущ в арифметике, геометрии, прекрасно рисовал, был очень музыкален, гордился своим уме-

нием играть на цитре (небольшой щипковый музыкальный инструмент в виде фигурного ящика со струнами) и петь³¹. При этом оценивал свои дарования адекватно: великим музыкантом и певцом, подобно Нерону, себя не полагал.

Учился Адриан с превеликой охотой и знания стремился приобрести и обширные, и глубокие, и замечательно разнообразные. Надо сказать, что само по себе обилие знаний в Античности не так уж почиталось. Авл Геллий, ссылаясь на авторитет Гераклита Эфесского, утверждал, что многознание ещё не означает ума³². Но в нашем случае большие знания как раз соответствовали большому уму.

Говоря об образовании Адриана, надо иметь в виду, что прошёл он только две ступени традиционного римского образования: начальную школу и обучение у грамматика, поскольку в 15 лет своё образование завершил. Значит, он не мог успеть поучиться у ритора — преподавателя третьей ступени. Напомним, в чём состояла задача ритора. Он должен был непосредственно готовить своих учеников к практической деятельности политического и судебного оратора³³. Здесь обучение носило строго индивидуальный характер (в школе второй ступени у грамматика были небольшие группы, позволявшие и индивидуальное внимание ученикам). Третья ступень, очевидно, была доступна далеко не всем. Положение риторов также было особым. Они в имперскую эпоху стали получать высокое жалованье от государства. Императоры, начиная с создателя принципата Августа, стали уделять делу образования в государстве всё больше и больше внимания. Дело было в том, что при переходе Рима от республики к единовластию в школе каких-либо существенных перемен не произошло. Образование всё ещё оставалось на почве республиканских традиций и ценностей, что решительно противоречило реалиям новой политической системы³⁴. Потому-то у императоров и возникло искреннее желание прийти на помощь делу народного образования. Первым здесь, естественно, стал первый принцепс. Август в своём дворце устроил школу, преподаватель которой получал жалованье. Скорее всего, это была школа грамматика, второй ступени. Тиберий, сам человек блестяще образованный, покровительствовал сословию школьных преподавателей. Один простой школьный учитель за свой педагогический дар был удостоен им звания сенатора. Веспасиан же первым стал давать казённое содержание некоторым преподавателям³⁵. Были ли в их числе те, кому довелось учить нашего героя, — мы не знаем.

Почему же образование Адриана оборвалось в возрасте пятнадцати лет, а не завершилось в 19—20, как у иных римлян, пожелавших пройти все положенные три ступени? Кстати, по окончании школы ритора молодые римляне, как правило, отправлялись для совершенствования полученного образования в Афины, Антиохию, Александрию или на остров Родос³⁶. Зная влюблённость Адриана в греческую культуру, можно только представить, с какой радостью он отправился бы в такое путешествие. Но жизненные обстоятельства молодого римлянина сложились иным образом.

На десятом году жизни, ещё не завершив обучение в школе первой ступени, Публий потерял отца. Судьба матери мальчика, Домиции Паулины, нам неизвестна. Марк Ульпий Траян, сын бывшего легата X легиона Пролита, заместителя Каппадокии, а затем Сирии, о малолетнем родственнике позаботился. Сам двоюродный дядя Адриана в это время ненадолго оставил военную службу, отбыл преторские полномочия и находился в числе бывших преторов³⁷. Вторым опекуном девятилетнего Публия стал римский всадник Ацилий Аттиан. Опекуны, как мы видим, обеспечили Публию прекрасное образование. Можно полагать, что в силу природных способностей к пятнадцати годам его знания уже не оставляли желать лучшего. За восемь лет юный Адриан сумел получить достаточное образование, и опекуны сочли его готовым к поступлению на государственную службу.

Приезд Адриана в Испанию, своего рода «возвращение» на родину предков в Италику, связано, вероятно, с получением им мужской тоги³⁸. То, что она была получена на два года раньше положенного, могло быть связано с очевидным ранним возмужанием³⁹.

Итак, в 90 году Адриан начинает взрослую жизнь. В Испании он получает первый военный опыт, проходя службу в местной милиции Италики — городском ополчении. Должно быть, именно тогда он начал учиться владеть оружием, занятие это полюбил и увлёкся военным делом. Биограф Адриана пишет: «В то же время он прекрасно владел оружием и был очень сведущ в военном деле»⁴⁰.

После жизни в Городе на семи холмах Адриан мог оценить природу родного края предков. Именно здесь он полюбил охоту на крупного зверя и сохранил это пристрастие на всю жизнь⁴¹. Но пребывание в Италике оказалось недолгим. В следующем, 91 году Траян возвращает двоюродного племянника в Рим.

ГОДЫ ВОЗМУЖАНИЯ

Возвращение шестнадцатилетнего Публия в столицу империи означало для него начало действительной службы государству — как гражданской, так вскоре и военной. И здесь немалую, если не сказать важнейшую роль играло покровительство Марка Ульпия Траяна. Двоюродный дядя уже доказал, что судьба молодого осиротевшего родственника ему отнюдь не безразлична и что своё опекунство он будет исполнять самым добросовестным образом. Тем более что юный Публий своими успехами в учёбе подавал самые большие надежды. Особенно, как мы помним, в сфере гуманитарной. Сам Траян в своё время большими достижениями в образовании не блистал, достигнув лишь посредственных результатов. Правда, учился он ведь не в Риме, а в глубоко провинциальной Италике, да и отец видел в нём прежде всего будущего воина, в чём не ошибся. В то же время Траян с глубоким почтением относился к людям умственного труда и почитал гуманитарные знания. Потому не мог не порадоваться очевидным успехам двоюродного племянника. Ну а год пребывания того в Испании показал, что юный Адриан физически крепок, равнодушен к военному делу и охоте. Это особо должно было импонировать Траяну. Ведь он и сам был заядлым охотником. Сам Марк Ульпий, после того как отлично проявил себя в должности трибуна-латиклавия, на время оставил военную службу. Но служба гражданская оказалась ему не по нраву, особых успехов на этом поприще он не достиг. Решительно убедившись, что он не «человек тоги», а «человек меча», Траян вернулся на любезную его сердцу военную службу. Репутация воина была у него отличная, потому и оказался он вскоре на высокой должности: император Домициан назначил его легатом VII «Сдвоенного» легиона (или VII легион «Близнецы») — *Legio VII Gemina*. Легион сей имел недолгую, но славную историю. Набран он был в соседней с родной Траяну и предкам Адриана Бетикой Тарраконской провинции (она же Ближняя Испания). Набрал легион из местного населения бросивший вызов Нерону наместник провинции Гальба. С этим войском он и вступил в Рим. В наступившей после гибели Гальбы гражданской войне VII легион в конце концов оказался на стороне Веспасиана и блестяще проявил себя как в решающем сражении войск Флавиев с армией Вителлия при Кремоне, так и при заня-

тии столицы Империи. Потому легион пользовался особым расположением императоров правящей династии Флавиев. Назначение Траяна, конечно же, свидетельствовало о его отличной репутации на Палатине. А вот Публий Элий Адриан только-только начинал свой служебный путь, и ему свою репутацию предстояло ещё заслужить.

Что совершенно очевидно, правление утвердившейся на Палатине новой династии Флавиев было благоприятно и для семьи Траянов, и для рода Адрианов. Собственно, расположение новых императоров — отца и сыновей его — заслужил ещё, как мы помним, Марк Ульпий Траян-отец. Сыну оставалось только достойно продолжить дело отца под орлами Флавиев. Карьера же юного Адриана, прямо связанная с судьбой его опекуна, должна была сложиться успешно.

Думается, едва ли справедливо предполагать, что Траян, человек уже сложившийся, и Адриан, только-только вступающий в зрелость, вынуждены были делать непростой нравственный выбор: ведь это была служба императору-тирану, каковым в историю суждено будет войти Домициану⁴². От всех трёх Флавиев Траян видел только добро, и осуждение, пусть и скрытое, правящего принцепса было бы с его стороны явной неблагодарностью. Соответствующим образом должен был рассуждать и юный Публий Элий Адриан. Отец Траяна в своё время сделал и решительный, и своевременный выбор, став на сторону Флавиев в гражданской войне, исход которой тогда был совсем не predetermined. Потому ни сын его, ни внучатый племянник не должны были колебаться, поступая на службу третьему представителю династии.

Что же это была за династия, Флавии, при которых сделали успешную карьеру Марк Ульпий Траян-отец, Марк Ульпий Траян-сын и начал таковую наш герой — Публий Элий Адриан?

Невозможно оспорить замечательно точную оценку этой династии, утвердившейся на Палатине на рубеже 69—70 годов, данную Гаем Светонием Транквиллом: «Державу, поколебленную и безначальную после мятежей и гибели трёх императоров, принял наконец и укрепил своей властью род Флавиев»⁴³. При этом знаменитый биограф двенадцати римских цезарей отмечал, что сам этот род к римской знати не относился, поскольку не имел права на хранение дома изображений предков — это была привилегия нобилей, сначала патрициев, а потом и плебеев, чьи

предки или они сами занимали высокие выборные государственные должности⁴⁴. И тут же Светоний справедливо уточняет: «Но стыдиться его государству не пришлось, хотя и считается, что Домициан за свою алчность и жестокость заслуженно понёс кару»⁴⁵. К Домициану мы ещё вернёмся, а пока обратимся к особенностям прихода Флавиев к власти и к тому, что нового привнесло в жизнь Римской империи правление Веспасиана и его сыновей — Тита и Домициана.

Ко времени самоубийства Нерона, что означало прекращение правления императоров, принадлежащих к династии, именуемой историками Юлии-Клавдии, Веспасиан, немолодой уже человек — на исходе шестого десятка лет, командовал сильной военной группировкой, ведшей войну в мятежной Иудее. Когда началась гражданская война, он не спешил принять в ней участие на чьей-либо стороне, что было мудро. Вскоре он дождался очевидной поддержки самому себе в борьбе за Палатин. Мощнейшая восточная армия — легионы римского Востока — обеспечила ему конечный успех. Теперь надо было его закрепить, дабы не уподобиться цезарям, чьё правление длилось недолгие месяцы — Гальбе, Отону и Вителлию. Веспасиан не мог не сознавать, что он сам и его род во главе Римской империи — явление, явно далёкое от сложившейся традиции нахождения у высшей власти Юлиев-Клавдиев. Их власть для римлян выглядела естественной не в последнюю очередь из-за превеликой знатности её представителей. Август, пусть и из скромных Октавиев родом, но ведь законный наследник божественного Юлия Цезаря. Клавдии — знаменитейший с далёких времён ещё ранней республики род, давший Риму множество достойных, даже великих представителей. Из не столь знатных цезарей ни один даже года на Палатине не продержался. Веспасиан, правда, имел по материнской линии достаточно известных, даже, по словам Светония⁴⁶, знаменитых родственников и сам сделал недурную карьеру на военной стезе. Он не мог не осознавать необходимости решительных действий для закрепления за родом Флавиев высшей власти. Ведь в его собственной жизни было немало страниц, коими никак нельзя было гордиться, и память о которых могла и повредить правящему принцепсу, из не слишком-то знатного рода происходящему. Потому-то и появились вдруг многочисленные предсказания, сулившие высшую власть именно Веспасиану, каковой теперь выглядел избранныком судьбы⁴⁷. Самым знаменитым из предска-

зателей стал еврейский военачальник Иосиф, пленённый воинами Веспасиана при взятии города Иотапаты. Он, если ему, конечно же, верить, предвещал римскому полководцу будущее царя и властителя ещё при жизни Нерона⁴⁸.

Но одних предсказаний, спешно, думается, сочинённых задним числом, всё же не хватало. Нужно было показать всем, что сам Веспасиан обладает каким-либо даром божественного происхождения. Слово Светонию: «Новому и неожиданному императору ещё недоставало, так сказать, величия и как бы веса, но и это вскоре пришло. Два человека из престолярства, один слепой, другой хромой, одновременно подошли к нему, когда он правил суд, и умоляли излечить их немощи, как указал им во сне Серапис: глаза прозреют, если он на них плюнет, нога исцелится, если он удостоит коснуться её пяткой. Нимало не надеясь на успех, он не хотел даже и пробовать: наконец, уступая уговорам друзей, он на глазах у огромной толпы попытал счастья, и успех был полным. В то же время и в аркадской Тегее по указанию прорицателей откопаны были в священном месте сосуды древней работы, и на них оказалось изображение, лицом похожее на Веспасиана»⁴⁹. Самым серьёзным образом была изложена эта занятная история и у Публия Корнелия Тацита в его «Истории»: «За несколько месяцев, что Веспасиан провёл в Александрии, дожидаясь, пока установятся попутные ветры и море станет совсем спокойным, произошло множество чудес, как бы доказывавших благоволение неба и приязнь богов к новому принцепсу. Один из александрийских простолудинов, у которого, как все знали, болезнь отняла зрение, пал Веспасиану в ноги, со слезами умоляя об исцелении. Он уверял, что поступает так по повелению Сераписа, почитаемого этим суеверным народом больше всех прочих богов, и просил принцепса смазать ему слюной веки и глазницы. Другой, с парализованной рукой, якобы по указанию того же бога умолял Цезаря наступить ему на больную руку. Сначала Веспасиан посмеялся над обоими и наотрез отказал им. Однако, когда они стали настаивать, он заколебался: ему не захотелось прослыть слишком самоуверенным, но мольбы обоих калеки и уверения льстецов рождали в нём надежду, что исцеление может удасться. Наконец он приказал спросить у врачей, в человеческих ли силах справиться с подобной болезнью глаз и с таким увечьем руки. После долгих споров те ответили, что слепой утратил зрение не до конца и его можно восстановить, устранив помехи, которые не дают больно-

му видеть; что же касается руки, то она вывихнута и под действием целительной силы может вернуться в обычное положение. “Может быть, — говорили врачи, — это угодно богам и они избрали принцепса для исполнения своей воли. Кроме того, если исцеление удастся, слава достанется Цезарю; если ничего не получится, посмешищем станут калеки”. Веспасиан, решив, что удача сопутствует ему во всём и нет вещи, даже самой невероятной, которой ему не дано было бы совершить, весело улыбаясь, исполнил то, о чём его просили. Огромная толпа следила за ним с напряжённым вниманием. Увечный тут же начал двигать рукой, слепой узрел дневной свет. Люди, присутствовавшие там, уверяют, что всё так в точности и происходило; они повторяют это до сего дня, когда им уже нет выгоды говорить неправду»⁵⁰.

Да, не зря Веспасиан немало времени провёл при дворе императора Нерона. Великий артист, похоже, присутствовал и в натуре старшего Флавия. Спектакль с чудесно исцелёнными калеками оказался безукоризненным, если даже Тацит так серьёзно всё описал. Любопытно, что подсказало Веспасиану такой сюжет чуда превеликого? Невольно вспоминается царь Эпира Пирр, который прикосновением большого пальца правой ноги излечивал болезни печени⁵¹. А если верить Плутарху, то палец сей и огня не боялся: «Говорят ещё, что большой палец одной его ноги обладал сверхъестественными свойствами, так что, когда после его кончины всё тело сгорело на погребальном костре, этот палец был найден целым и невредимым»⁵². Напрашивавшаяся параллель с Пирром (в плане целебных свойств части стопы) была лестной для неродовитого Флавия. Пирр — природный царь из славного рода Эакидов, молосских царей Эпира. Из этого рода была Олимпиада, мать Александра Великого. Правда, Титу после похорон отца не пришла в голову мысль объявить о «несгораемой» пятке Веспасиана, исцелившей некогда в Александрии несчастного калеку.

Чудеса чудесами, но для укрепления только что в жестокой войне обрётённой власти требовалось и соответствующее постановление сената. Сенат «даровал Веспасиану все обычные права и привилегии принцепсов»⁵³. Помимо этого Веспасиан и его старший сын Тит получали консулаты, а младший сын Домициан получал претуру с консульской властью⁵⁴. Ещё ранее, 21 декабря 69 года, Веспасиан был провозглашён императором, а Тит и Домициан были

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru